

Лэн Е на миг растерялся. Он заворожённо смотрел на юношу, который уже повернулся к нему спиной. Казалось бы, утекло столько времени, они вместе прошли через столь многое... Но юноша оставался точно таким же, как при первой их встрече: холодным, отстранённым, словно его вообще ничто в этом мире не трогало.

— Тебе ведь уже известен ответ.

Этот бесстрастный, лишённый малейших интонаций голос прозвучал совсем рядом, и Лэн Е в растерянности замер, глядя на юношу. Какая-то неведомая сила мягко, но непреклонно утягивала его назад, прочь. Расстояние между ними стремительно увеличивалось, пока хрупкий силуэт окончательно не растворился в пустоте.

И Лэн Е снова очутился на самом дне — там, где каждый мог ударить его или осыпать бранью. Чтобы продлить угасающую жизнь, ему не осталось ничего другого, кроме как ступить на тёмную тропу и примкнуть к демонам.

Вскоре приверженцы запретного пути признали его своим владыкой. Имя Лэн Е гремело по всему миру совершенствующихся. Даже великий Бессмертный лорд Облачного Великолепия, некогда презиравший его, теперь не мог игнорировать эту грозную силу. Но чем глубже Лэн Е погружался в практики, тем яснее понимал: его происхождение таит в себе мрачные тайны.

Древние старейшины бездны смотрели на него со смесью благоговейного ужаса и недоумения. Когда он объявил себя Демоническим Владыкой, никто из этих свирепых старцев даже не посмел возразить. Напротив, они трепетали в его присутствии, словно в любой момент ждали от своего нового повелителя безумного и смертоносного шага.

Он был перерождением прежнего Демонического Владыки.

Случайно наткнувшись в полузабытых манускриптах на портрет с пугающе знакомыми чертами лица, Лэн Е наконец признал правду, от которой так долго открещивался.

Да, он давно знал ответ.

В своей прошлой жизни он проклял этого прекрасного юношу. Из-за этого проклятия тот был обречён на раннюю гибель, и именно поэтому Бессмертный лорд Облачного Великолепия, почитаемый как ближайший к богам праведник, так отчаянно стремился стереть Демонического Владыку с лица земли.

Вот почему никакие легендарные снадобья и редчайшие травы не могли спасти угасающую жизнь юноши. Ведь Демонический Владыка проклял то великое существо, которому никто во вселенной не смел противиться — любимое дитя неба и земли, само божество.

И лишь потому, что Лэн Е сам наложил эти путы в прошлой жизни, ему тогда удалось без

труда увести пленника.

Условие проклятия было простым и жестоким: пока он не полюбит этого юношу, он будет жить.

Лэн Е чувствовал, как окончательно погружается в пучину безумия. Разум отказывался служить ему, мысли путались. Его существо словно раскололось надвое. Один внутренний голос непрестанно взывал к благоразумию:

«Очнись, держи себя в руках, тебе нельзя, смертельно опасно любить его!»

Другой же безжалостно возражал:

«Но ты ведь уже любишь его. Иначе откуда эта разрывающая грудь мука?»

Истерзанный этой нескончаемой борьбой, Лэн Е всего за три года превратился в грозное чудовище, чьё имя в мире совершенствующихся произносили со страхом наравне с именем Бессмертного лорда Облачного Великолепия. Он вёл полчища демонов на кровопролитные войны, безжалостно уничтожая любого, кто смел встать у него на пути.

Никто больше не смел шептаться о слабости его тела, а слухи о неминуемой ранней кончине Демонического Владыки казались похороненными навсегда. На вершине своего могущества он правил безраздельно, и даже великий Бессмертный лорд Облачного Великолепия был бессилен что-либо изменить.

Лэн Е добровольно отдался во власть этого безумия, симулируя упоение властью и вечным триумфом. Однако под этой маской скрывалось невыносимое страдание. Его внутренние демоны вели бесконечную, изнурительную войну, яростно споря о том, что же на самом деле таится на самом дне его сердца.

Лишь тогда, когда дыхание смерти коснулось его плеча, Лэн Е ощутил странное, давно забытое облегчение.

Он действительно полюбил этого юношу.

Сквозь густую пелену, застилающую угасающий взор, ему вдруг снова померещился знакомый силуэт.

— Я умираю... — прохрипел Лэн Е.

— Я знаю, — на удивление чётко отозвался до боли знакомый голос.

Он звучал всё так же чисто, прохладно и безразлично, точно речь шла о сущих пустяках.

Перед лицом неизбежного Лэн Е внезапно обрёл небывалую, отчаянную смелость. Устремив на юношу полный обожания и тоски взгляд, он с трудом выговорил:

— Тебе... хоть немного меня жаль?

Тот безучастно посмотрел на него, словно удивляясь самой нелепости этого вопроса. Однако под пристальным взглядом умирающего всё же ответил:

— Нет.

— Я видел множество твоих прошлых воплощений и помню гибель каждого из них, — ровным, лишённым всяких эмоций тоном добавил юноша. — К тому же я давно знал, что твой земной путь оборвётся именно сегодня.

А значит — ни капли скорби.

Лэн Е без труда уловил скрытый смысл этих слов. Его взгляд на миг дрогнул, но после недолгого молчания губы тронула улыбка.

Он улыбнулся на удивление искренне и тепло — в тускнеющих глазах впервые за долгое время блеснул живой, юношеский задор.

— Выходит... мы встретимся снова?

— Пусть то буду уже не я, а лишь моё новое перерождение... ты ведь всё равно встретишься с ним? — прошептал Лэн Е, медленно растягивая слова, будто взвешивая каждое из них. — Значит, до встречи?

Он снова мягко улыбнулся, и давящее, мрачное облако, из-за которого к нему никто не смел приблизиться, бесследно рассеялось.

Лэн Е заметил, как юноша вдруг поднял на него глаза.

— При первой нашей встрече я спросил, ради чего ты так цепляешься за жизнь. Ты ответил, что хочешь сам вершить свою судьбу.

Юноша на мгновение умолк, а затем спросил:

— Ты всё ещё думаешь так же?

Те слова сорвались с его губ в порыве отчаяния, когда он просто пытался спастись. Но со временем они превратились в его главный жизненный ориентир. С какими бы невзгодами Лэн Е ни сталкивался, эта мысль неизменно всплывала в его сознании.

Он страстно желал удержать в руках собственную судьбу, безуспешно пытаясь найти способ осуществить это. Но за всю жизнь он так и не приблизился к разгадке.

Всё было предречено заранее. Что бы он ни предпринимал, тяжёлые оковы рока оставались нерушимыми.

— Я могу открыть тебе эту тайну, — неторопливо произнёс юноша. — Небеса отвергли тебя, и у тебя есть лишь один способ переписать судьбу.

— Какой? — Лэн Е растерянно замер.

И в следующее мгновение он наконец услышал разгадку, ради которой не пожалел бы отдать всю свою жизнь:

— Убей меня. Займи моё место, стань новым божеством, и тогда никакие оковы больше не будут властны над тобой.

Прекрасный юноша произнёс это самым обыденным, равнодушным тоном.

Лэн Е ошеломлённо застыл. В этот миг до него наконец дошла горькая истина.

Даже предлагая по сути собственную смерть, юноша оставался абсолютно спокоен. Его нисколько не заботило, пострадает ли он сам, и ему было совершенно безразлично, как отреагирует на это умирающий собеседник. Он просто не испытывал к этому миру ни малейшего интереса.

Пытаясь удержать юношу, он выстроил прочную темницу во имя своей слепой, эгоистичной любви. Вот только безумным зверем, мечущимся в этой клетке, оказался он сам.

Он сам соткал для себя этот кокон — обрёк себя на вечную муку, но ни о чём не жалел.

— Прощай, — донёсся до него тихий голос, когда сознание уже почти полностью угасло.

Преодолевая наваливающуюся тьму, Лэн Е прикусил язык до крови, отчаянно пытаясь вернуть ускользающие крупицы ясности. Он широко раскрыл глаза, силясь разглядеть юношу.

«Почему?..»

Зачем тот сказал ему «прощай»? Значило ли это, что он всё же занимал в сердце юноши хоть какое-то, пусть даже самое крохотное место?

Сил договорить не осталось, но юноша, казалось, без слов понял его немой вопрос. Его бледные, лишённые красок губы беззвучно шевельнулись.

Но Лэн Е уже ничего не услышал. Беспросветный хаос небытия утянул его за собой, оставив в памяти лишь это последнее, неуловимое движение чужих губ.

— Снято!

Именно так завершалась кинолента. Зритель проживал этот финал глазами Лэн Е, и никто не мог угадать, что принесёт будущее, как никто не мог узнать, какие же слова сорвались тогда с губ загадочного юноши.

— И что же он хотел сказать в самом конце? — едва завершились съёмки, Киноимператор Сяо тут же подошёл к Ши И.

Ши И не ответил. Он безучастно смотрел в экран мобильного телефона, который ему только что передал менеджер. Наткнувшись на новость о том, что Жун Линя принудительно дисквалифицировали и сняли с соревнований, юноша на мгновение замер. А затем поднял взгляд и тихо спросил:

— А как думаешь ты?

<http://bllate.org/book/19562/1933829>